

Ясмин Вилейн

Этикет Вражды

18+

Ясмин Вилейн

Этикет вражды

<https://litres.ru/74098458>

SelfPub; 2026

Аннотация

«У злости и влечения один пульс. Просто не сдерживайся, Элизабет».

Джонатан Кинкейд — раздражитель моей нервной системы и парень, которого я не переношу с самого детства. В Лондоне мне успешно удавалось игнорировать его существование, но внезапные обстоятельства вынудили нас нарушить многолетнее молчание.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Хакеры и срочные правки	5
Глава 2. Когнитивный диссонанс	15
Глава 3. Курьер особого назначения	21
Глава 4. Посыльный из ада	34
Глава 5. Демонстрация уюта	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ясмин Вилейн

Этикет вражды

Предисловие

Эта история разворачивается на вполне реальных улицах Лондона. Маленькое примечание для тех, кто не знаком с британскими традициями: King's College и Imperial College — это престижные университеты с мировым именем. Слово «колледж» в их названиях осталось лишь данью уважения прошлому.

Глава 1. Хакеры и срочные правки

Элизабет

Четверг, 23 октября

Уворачиваясь от прохожих, я неслась по Суррей-стрит, наплевав на гадкую изморось, которая медленно добивала мои волосы и пальто. Мечтая поскорее оказаться в тепле, я только сильнее вжимала голову в плечи и прибавляла скорость — казалось, двигаться быстрее уже невозможно.

По дороге мне встречались либо воюющие с вывернутыми зонтами туристы, либо местные жители: одни бежали в пабы прямо в офисных костюмах, другие же шли с непокрытыми головами и каменными лицами. Раскрыть здесь зонт означало официально признать поражение. И в этот вечер я была частью этой упрямой толпы. Сдаваться нельзя, проигрывать — тем более.

Вокруг ревели и сигналили застрявшие в пробке машины. Приходилось протискиваться между красными автобусами и такси, пока легкие горели, а таймер в голове безжалостно тикал. С каждым шагом Буш-хаус становился всё ближе, до сих пор впечатляя своим масштабом: огромная арка с ка-

менными атлантами над входом делала его похожим на античный храм, а не на учебный корпус. Двери в бронзовых рамах автоматически распахнулись, впуская меня в строгое лобби с холодным мрамором и высокими потолками. Привычно пройдя турникет, я сразу нырнула в лифт.

На седьмом этаже за старыми стенами скрывался свежий ремонт с обилием стекла, пластика и новой мебели. В панорамных окнах уже зажглись вечерние огни, и редакция The Chapter казалась кабиной пилота, летящего над муравейником. Но стоило отвернуться, как романтика исчезала — внутри царил хаос, который здесь гордо называли рабочим процессом. Макеты газет и кучи университетского мерча занимали все свободные поверхности, а в проходах толпились назойливые младшекурсники. Поппи же сидела прямо на столе и что-то яростно доказывала в трубку, пока у кофемашины за спиной разгорался очередной спор.

Пробираясь сквозь этот шум, я наконец добралась до своего стола — единственного стерильного островка в общем беспорядке. Пока ребята из команды в очередной раз пытались спасти мир, я почти в одиночку билась за то, чтобы разбавить их бесконечные колонки о политике и реформах чем-то по-настоящему ярким и живым. Среди серости серьезных текстов я упорно настаивала: мода и эстетика значат не меньше, чем громкие лозунги.

Выпускной год в Кингсе я считала своей главной инвестицией. В то время как одни выжимали из студенчества макси-

мум вечеринок, а другие до хрипоты спорили о справедливости — я выстраивала собственную стратегию. Мои амбиции давно вышли за рамки учебных проектов, а в кожаном блокноте всё было расписано по минутам. Через три года я должна занять весомую должность в Condé Nast — утверждать обложки и диктовать миру модные тренды следующего сезона.

Цели на вечер казались важнее происходящего вокруг: до полуночи внести финальные правки в конкурсную работу, подавить подступающую панику и проигнорировать письмо от отца о новом жилом комплексе, которое он «случайно» переслал мне на почту. Отвлекаться нельзя, ведь материал, который я сейчас создаю, должен стать моим пропуском на стажировку в Vogue.

Мои мысли прервал резкий стук ботинок. Поппи в шуме редакции выглядела одновременно органично и сумбурно. Спрыгнув со стола, она мгновенно вцепилась в клавиатуру ноутбука. Из-под брошенной на плечи винтажной куртки торчала рок-футболка. Подруге удавалось перехватывать на лету флэт-уайт и каждую сплетню, вообще не сбавляя бешеного темпа печати.

— Эл, ты снова здесь? У тебя же завтра аттестация по медиаправу, — Поппи на секунду отвлеклась от экрана. Только она могла доставать проходки на закрытые показы и одновременно не помнить, какой сегодня день недели.

— В девять утра, а дедлайн — в полночь. — Не разде-

ляя её расслабленности, я аккуратно протерла пыль со стола влажной салфеткой. — Если не вышлю проект, никто так и не узнает о моем существовании. Осеть в местной газете и писать всю жизнь о погоде не входит в мой план.

Поппи понимающе хмыкнула и вернулась к монитору:

— Твой трудоголизм скоро станет причиной глобального потепления. Расслабься, лонгрид получился мощным. Если его не возьмут, значит, у них проблемы со вкусом, а не у тебя с текстом.

Я только включила компьютер, как телефон на столе настойчиво завибрировал. Мама. Её гиперопека снова перешла в режим штормового предупреждения.

— Элли, милая, ты надела шарф? Я смотрела прогноз, у вас кошмарный ветер! — голос мамы звучал так громко, что пришлось зажмуриться и отодвинуть руку от уха.

— Мам, я в редакции, здесь тепло. И на мне кашемир, он выдержит ураган, — я попыталась вернуть беседу в спокойное русло, но Кэтрин Райт невозможно остановить.

— И пожалуйста, ешь нормально, дорогая! Ты совсем побледнела, у тебя вечно дедлайны! Кстати, Кинкейды недавно были у нас на ужине. Представляешь, Джонатан теперь учится в магистратуре. Совмещает учёбу с серьёзной должностью в небоскребе! Джейн говорит, мальчик совсем себя не бережет, пропадает ночами за компьютером. Отец шепнул, что его прочтат в вице-президенты к тридцати годам. Джейн так сокрушалась, что вы двое никак не встретитесь. «Два бле-

стящих ума в одном городе». Так она выразилась. Такой гений! Мы все так рады за него.

Я закатила глаза, едва сдерживая стон. Для мам «гений» — это любой, кто умеет настраивать роутер.

— Мама, Лондон слишком большой, чтобы я случайно наткнулась именно на Кинкейда, — я устало потерла висок. — У нас разные колледжи. Мне правда нужно работать.

— И всё же, Элли, будь ласковее, если встретишь его. Он всегда был таким... сложным мальчиком, но сейчас он — гордость семьи. Не то что тот фотограф, с которым ты ходила на выставку. У него были дырки на джинсах, Элли. Настоящие дырки на коленях.

— Это гранж, мама. Ладно, мне действительно пора, иначе я ничего не успею!

— Хорошо, дорогая. И не забудь шарф! Джейн сказала, Джонатан вчера кашлял, а вирусы в октябре просто ужасны.

Пришлось сбросить звонок прежде, чем мама начнет диктовать рецепт имбирного чая. Она категорически отказывается замечать мое взросление. В двадцать два я давно не вписываюсь в мамин образ «милой Элли» — идеальной дочери, успехами которой она так любит хвастаться на воскресных чаепитиях. Мама понятия не имеет, что я переросла этот сценарий вместе с детскими платьями. Она пришла бы в ужас, если бы узнала, что я ориентируюсь в барах Сохо лучше, чем в библиотеке, умею совмещать подготовку к экзаменам с закрытыми вечеринками, и хожу на свидания, от

которых у неё случился бы приступ.

— Джонатан Кинкейд? — Поппи, обладающая грацией стихийного бедствия и слухом поисковой собаки, замерла прямо посреди сборов сумки и хитро прищурилась. — Прости, твоя мама так громко щебетала, что я всё слышала. Эл, помнишь, я в прошлом месяце рассказывала о новом гении в Кингсе? Его зовут так же! Он наделал столько шума: выглядит как модель Saint Laurent, а на деле может взломать Пентагон. Это что, он?

Пальцы на секунду замерли над клавиатурой. Значит, еженедельные сплетни Поппи о новом девичьем психозе наконец обрели фамилию. И она мне слишком знакома.

— Вообще не представляю, как он сейчас выглядит, — отрезала я, не отрываясь от монитора. — Мы не виделись сто лет. Тогда он был прыщавым и заносчивым. Думаю, это совпадение.

— Ой, да брось. В городе не так много Кинкейдов, которые взламывают серверы быстрее, чем ты чистишь авокадо на завтрак. Готова поспорить, это твой друг детства! — Фантазия подружки уже явно улетела в сторону дешевых ромкомов. — Половина девчонок в колледже готова записаться к нему на курсы по взлому, лишь бы он на них посмотрел. Элли, ты явно скрываешь от меня целую драму!

— Никакой драмы. Сейчас это просто имя, которым мне хвастаются родители. Если бы мне давали по фунту за каждый их восторг, я бы уже выкупила долю в Vogue. Всё, доро-

гая, мне нужна тишина.

Поппи с ухмылкой развернулась, собираясь уходить. Я прикинула тайминг: если закончу в двенадцать, сил на поиски еды уже не останется.

— Поппи, стой! — я на мгновение оторвалась от экрана и виновато улыбнулась. — Захвати мне какой-нибудь сэндвич на обратном пути, пожалуйста.

— Конечно! Закину тебе что-нибудь в холодильник, — ответила она, подмигивая на прощание. — Но тебе лучше добраться до общежития раньше Мии, ты же знаешь её диету из чужих продуктов.

К десяти вечера редакция погрузилась в ту тишину, ради которой я оставалась здесь допоздна. Наконец-то одна. Только ровное гудение компьютера и редкий скрип старого здания нарушали покой.

Спустя час я вышла на финишную прямую. Вносила последние правки в проект «The Luxury of Heritage» и чувствовала: это лучшая из моих работ и реальный шанс на победу в Vogue Young Journalist Award. Призовая стажировка и публикация стоили месяца бессонных ночей. Этот интерактивный лонгрид о второй жизни вещей мы создавали вместе с ребятами с факультета дизайна.

Пока я вычитывала текст, в фоновом режиме шла син-

хронизация с облаком. Один за другим загружались снимки в высоком разрешении и тяжелые видео с интервью легенд швейного ремесла. Полоска загрузки мучительно ползла к заветным ста процентам, а компьютер, казалось, нагрелся до предела. И именно в этот момент лампа над головой предательски моргнула. Один раз. Второй. А затем с резким электрическим щелчком весь этаж провалился в абсолютную темноту.

— Черт... — сорвалось с моих губ.

Руки мгновенно задрожали. Пальцы вслепую шарили по дну сумки, пока не нащупали телефон. Одно движение по экрану, и фонарик очертил яркую полосу света. Нужно срочно выйти и выяснить у охраны, что случилось. Я толкнула дверь в коридор, где в кромешной тьме привычный мягкий ковролин под ногами неожиданно звонко сменился каменным полом. Из самого конца пролета доносился странный гул.

С каждым шагом он становился всё громче, пока впереди не показалась распахнутая дверь в серверную. Из проема тянуло ледяным сквозняком и запахом перегретого пластика.

Я остановилась. Приблизиться вплотную было страшно. Фонарик дотянулся до открытого металлического шкафа, набитого мигающими индикаторами. Там, спиной к коридору, стоял высокий парень в объемном худи. Он по-хозяйски пристроил ноутбук прямо на одну из полок. Его монитор заливал пространство тусклым мертвенно-синим цветом. С та-

кого расстояния невозможно было разобрать, что происходит на экране. Всё вокруг вибрировало, и эта глухая дрожь отдавала в подошвы.

— Эй! — Голос подвел меня, срываясь на высокую ноту. Я направила луч прямо на него. — У меня дедлайн, никакого конца света!

Он даже не вздрогнул. Пальцы продолжали монотонно бить по клавишам.

— Тише, леди, убавь громкость, — он заговорил низко и надменно уверенно. — Я не вор. Просто оптимизирую ваш антиквариат. Здание помнит дни, когда интернет считался магией. Этот ремонт — пустая трата времени, если под новым гипсокартоном оставили проводку прошлой эпохи.

Он так и не обернулся, только слегка повел плечом и небрежно повернул голову, словно стряхивая мой свет, как назойливое насекомое. Тень от капюшона разрежала его профиль пополам: я успела заметить лишь блеск оправы и сильный подбородок. Его фигура почти полностью перекрывала шкаф, и я инстинктивно сжала телефон крепче, боясь даже вздохнуть.

— Для проверки банковских шлюзов мне нужно стабильное соединение, — он говорил это настолько буднично, как говорят об унылом дожде. — Я проверил трафик, а там твоя «Роскошь наследия» намертво вешает систему. Ощущение, будто ты сливаешь в сеть архивы спецслужб. Левое крыло пришлось обесточить. Мир переживет временное затишье

твоего монитора.

Я сделала шаг вперед, но ближе идти не решилась. Он знает название моей работы? Ситуация была дикой, но ярость закипала быстрее страха. Месяц моего труда принесен в жертву ради каких-то шлюзов.

— Мне плевать на твои скрипты. Включи свет. Немедленно! Иначе я иду к охране!

В ответ этот тип захлопнул ноутбук и с громким стуком закрыл стеклянную дверь серверного шкафа. Луч моего фонарика резко ударился о стекло и ярким бликом полоснул по лицу. Я инстинктивно зажмурилась, а когда открыла глаза — он уже стремительно шагал мимо меня в сторону правого крыла.

— Двадцать минут, Элизабет, и всё вернется.

Его слова гулко отскочили от бетонных стен. Незнакомец быстро растворился в темноте, и я в панике подалась вперед.

— Эй! — крикнула я в пустоту. — Откуда ты?..

Договорить я не успела. В глубине коридора тяжело хлопнула дверь, отрезая путь к ответам. Хуже внезапной темноты было осознание: он знает мое имя и название проекта.

Я бросила взгляд на экран телефона, где горели безжалостные 23:20. В голове пульсировали два вопроса, перебивая друг друга: откуда этот парень знает меня и как успеть отправить файл до полуночи?

Глава 2. Когнитивный диссонанс

Элизабет

Обещанные двадцать минут длились вечность. Даже когда подозрительный технарь вернул свет, легче не стало. Я сидела в ледяном оцепенении, тупо глядя на полоску загрузки, которая всё-таки доползла до ста процентов. В 23:56 работа улетела. Победа? Скорее просто чудо. Теперь впереди целый месяц ожидания шорт-листа — списка из двадцати счастливиц, которых эксперты из Condé Nast сочтут достойными внимания. Зацепит мой лонгрид жюри или пополнит кладбище неудачных заявок? Гадать можно бесконечно, но на лишние переживания не хватало сил.

И времени: остаток ночи прошел за чтением билетов по интеллектуальной собственности. Буквы расплывались, разум балансировал на грани сна. К утру мозг напоминал старый компьютер, на котором одновременно открыли пятьдесят тяжелых вкладок. Ночь выжала из меня все ресурсы, и теперь кофеин оставался единственным спасением.

Я влетела в кофейню The Watch House как ядро, едва не сбив с ног какого-то парня. Сюда я заходила почти каждое

утро и искренне любила это место за лучший кофе в округе и их фирменный банановый хлеб. Внутри пахло выпечкой и фундуком. Очередь растянулась до самого входа, а за длинным общим столом не было ни одного свободного места. Здесь всегда собирались толпы студентов: кто-то в последний момент дописывал эссе, кто-то просто болтал, а ребята из школы дизайна, как всегда, обсуждали проекты, заняв почти все диваны. Сквозь огромные арочные окна падал резкий свет, подсвечивая пар над кофемашиной и стойку, где бариста без остановки взбивали молоко и стучали чашками. Обычно я не замечала этот шум, но сегодня звон посуды бил по ушам.

До аттестации оставалось полчаса, и каждая минута была на счету. Мой высокий пучок опасно клонился на левое ухо.

— Двойной американо. Только умоляю, побыстрее, — прохрипела я, придерживая сумку, из которой предательски торчали конспекты, как перья подстреленной птицы.

Когда мне отдали заказ, ноги сами двинулись к любимому столу у окна. Заметив край столешницы и чьи-то руки в черных манжетах, мозг послушно зафиксировал: *занято*. Уже собиралась развернуться и уйти, когда сквозь гул кофейни пробился низкий, ленивый голос. Я слышала его совсем недавно. Ночью.

— Занято, Райт, но ты можешь присесть. Похоже, тебе сейчас нужна капельница, а не лошадиная доза американо.

Я вскинула голову. Шок подействовал как ледяная вода

в лицо, и туман мгновенно рассеялся. За моим столом сидел вчерашний хакер — повзрослевший и опасно спокойный Джонатан Кинкейд. Тот самый «гений», о котором так восторженно отзывалась мама. Насколько же я была не в себе, что не узнала этот голос в редакции? Хотя за эти годы он огрубел, лишился юношеских нот и стал заметно ниже.

При свете дня он выглядел раздражающе. Никаких мешков под глазами или помятой одежды, хотя мы оба торчали ночью в Буш-хаусе. Небрежный пробор, темные пряди челки касались оправы, и этот его прямой, колючий взгляд. Его не портила даже горбинка на носу. Настоящий засранец.

Кинкейд ещё и одет был неплохо. Плотное худе под распахнутым шерстяным пальто, японские джинсы и чистые до блеска Dr. Martens. Всё на нем сидело до того правильно, что мне стоило огромных усилий не выплеснуть кофе прямо на это чертово пальто. Он невозмутимо сделал глоток, глядя на меня так, будто знал об этой жизни гораздо больше остальных.

— Джонатан? — возмущение вырвалось громче, чем следовало. Парочка по соседству синхронно повернула головы. — Это был ты. С дурацкой лекцией про скрипты.

В коридоре было слишком темно, а я — слишком взвинчена. Но сейчас всё четко встало на свои места. Никакого юношеского хаоса. Передо мной сидел мой злейший соперник детства и человек, который одним движением чуть не перечеркнул месяц моей работы.

— Рад, что твои нейронные связи еще подают признаки жизни. — Перед ним лежал открытый ноутбук и мармелад Haribo, рассыпанный по салфетке. Он снисходительно кивнул на пачку. — Угощайся, Райт. Глюкоза — единственный шанс для твоего мозга пережить утро.

— Ты занял мой стол, — я с грохотом поставила стакан, едва не залив его драгоценный пластик.

— Это общественное место, — надменно и лениво протянул он, отправляя в рот желтого медведя.

— Ты вшил в себя ChatGPT? Звучишь как голосовой помощник. — Я зажмурилась на секунду. Его манера разговора царапала мозг, как звук пенопласта по стеклу. — Почему ты сел именно здесь?

— Отсюда лучший обзор на твое эпичное появление, и здесь единственная живая розетка, — он едва заметно ухмыльнулся, и на его лице вспыхнуло то же выражение, которое я видела в шестнадцать лет на пляже, когда он закопал мои босоножки в песок. — Садись и пей кофе, пока не начались галлюцинации.

Я напряженно опустила на стул напротив.

— Какого черта ты делаешь в кофейне около моего университета? Мама говорила, ты строишь карьеру в каком-то банке.

— Не знал, что ты вложилась в образование, Райт.

— Выкладывай, или решу, что ты соскучился.

— Магистратура, Элизабет, — он поправил очки, в кото-

рых ярко блеснуло солнце.

— Что случилось, Кинкейд? Твоих мифических талантов не хватило для банка, и тебя отправили доучиваться? — Я заставила губы принять форму улыбки, но от неё совсем не веяло дружелюбием.

— В банке всё замечательно, а магистратура — всего лишь скучный пункт в плане на повышение. Так что ближайший год мы на одной орбите.

Джонатан медленно проскользил по мне глазами, как сканер, задержавшись на окончательно съехавшем пучке и мятой рубашке под пальто. В его язвительном прищуре я прочитала всё, что он думает.

— Если бы тебя сейчас видела мама, она бы уже вызвала службу спасения и нового стилиста. Ее золотая девочка выглядит так, будто всю ночь сражалась с дикими белками. Что случилось, Райт? Свернула с верного пути?

— У меня промежуточная аттестация через двадцать минут, Кинкейд. С верного пути меня сбиваешь сейчас ты. Твоя ночная выходка чуть не стоила мне стажировки, — процедила я, сильнее сжимая стакан. — И не смей называть меня так. Я просто следую своему плану, пока ты играешь в хакера и портишь людям жизнь.

— О, ты именно она, — Джонатан кончиками пальцев пододвинул пачку мармеладок к моему локтю. — Маленькая отличница, которая даже в эпицентре ядерного взрыва будет дописывать последний абзац. И не забудь причесаться, если

собираешься сдать зачет. Удачи, Райт. Ничто не лишало меня самообладания так быстро, как его привычка обрывать разговор в самый острый момент. Это был его излюбленный прием еще со времен Уэйбриджа — вбросить порцию яда и технично испариться, оставляя меня задыхаться от невысказанных аргументов. Кинкейд всегда отбирал у меня возможность нанести ответный удар.

Прежде чем я успела запустить в него этим чертовым мармеладом, он поднялся и растворился за плотной очередью у дверей. Идеальный последний год в Кингсе официально превратился в зону боевых действий.

Глава 3. Курьер особого назначения

Джонатан

В детстве любая вещь интересовала меня исключительно с изнанки. Я не мог успокоиться, пока не разобрал до последнего винтика любой попавшийся под руку прибор, пытаюсь понять, как он устроен. Физический мир быстро стал скучным, и я переключился на код. Взлом школьной сети увлекал меня куда сильнее, чем унылые уроки. Помню, как перед важным тестом я переписал алгоритм проверки: каким бы ни был ответ, программа запускала генератор случайных чисел, настроенный исключительно на высшие баллы. Пока отличники вроде Элизабет Райт накануне пытались засунуть в голову весь учебник, я превратил всю систему в беспроигрышную лотерею. В тот день даже самые безнадежные тупицы получили «отлично». Учителя были в ярости, результаты аннулировали, но я добился чего хотел. Я доказал, что их защита устарела еще до того, как они её внедрили. Тогда я впервые понял: неуязвимых не существует.

Со временем изменились только сложность и цена рис-

ка. Имперский колледж научил меня действовать профессионально, а после выпуска я сразу устроился в Gate Capital. В отделе кибербезопасности инвестиционного банка я работаю уже год. Моя задача — легальный взлом. Я ищу слепые зоны до того, как их обнаружит кто-то по-настоящему опасный.

Магистратура никогда не входила в мои планы, но в мире больших денег мало быть талантливым технарем. Руководство требует подтверждения, что я знаю правила игры на высшем уровне: от архитектуры власти до умения не нарушить международное право одним случайным скриптом. Этот год стал досадной формальностью для доступа к серьезным проектам.

Так я оказался в Королевском колледже. И всё шло отлично, пока на мою голову снова не свалилась образцовая Элизабет Райт.

Наши семьи знакомы столько, сколько я себя помню. Мой отец консультирует по финансам её отца-застройщика и знает о деньгах этой семьи больше, чем они сами. Так что многие деловые ужины и праздники нам приходилось проводить рядом. Наши мамы быстро образовали крепкий союз. Их общая база данных, построенная на гиперопеке и страсти к светской жизни, обновляется быстрее любого сервера. В ней хранится всё: от моего завтрака в Лондоне до оценок Элизабет за прошлый семестр. В этом архиве сплетен у нас не осталось права на приватность.

Элизабет всегда была эталоном для моих родителей, и они сами взрастили во мне неприязнь к ней. С самого детства я постоянно слышал: «Бери пример с Элли», «Элли никогда бы так не поступила», «Посмотри, какая Элли умница». Пока она получала высокие оценки и одобрительные улыбки, я коллекционировал выговоры от директора. После каждого такого случая отца вызывали в школу, а дома меня ждали долгие лекции о том, что пора взяться за ум. Для всех я оставался несерьезным хулиганом, а она — золотым ребенком.

Я никогда не верил в этот идеальный образ, и мне постоянно хотелось нащупать её предел прочности: найти ту самую кнопку, которая заставит эту безупречность дать сбой. Ну и просто потому, что её вечный нимб над головой невероятно бесил. Мне было важно доказать родителям, что их «Элли» сделана из того же теста, что и все остальные.

Четыре года в Лондоне я искренне наслаждался тем, что наши вселенные не пересекались. Похоже, мы приложили одинаковые усилия, чтобы не появляться в Уэйбридже одновременно. Наверное, поэтому я и умолчал, что учусь в магистратуре того же университета, где протирает юбки Элизабет. Семья в курсе самого факта моей учебы, и этого достаточно. Если бы наши мамы узнали правду, наступил бы апокалипсис из абсурдных предложений о совместных ужинах и бесконечных просьб присмотреть друг за другом.

Я понимал, что избежать встречи в этом году не удастся, но не рассчитывал, что это произойдет так скоро. В сервер-

ную Буш-Хауса я зашел по делу. Мне было нужно удобное место вне контроля систем безопасности Gate Capital, чтобы закончить проверку одного из серверов банка. Университетские сети всегда были моей удобной серой зоной, где я мог запускать любые скрипты, не опасаясь, что внутренняя служба защиты поднимет тревогу раньше времени. Всё шло гладко, пока трафик не встал намертво.

В списке активных процессов всплыла строка, сообщающая о критической нагрузке:

```
[UPLOAD]      31.4GB      |      User:      Wright_E      |      File:  
The_Luxury_of_Heritage_v4_FINAL.zip
```

Сразу стало ясно, кто именно решил похоронить местный Wi-Fi. Я знал об успехах Райт всё. Мамины отчеты работали исправно, как спам-рассылка, от которой невозможно отписаться. Её файл весил столько, что мои задачи встали в бесконечную очередь.

Старый инстинкт проснулся мгновенно. Тот самый, из-за которого в детстве я не мог пройти мимо её идеальных замков из песка, не наступив на башню. Мне хватило пары секунд, чтобы отследить путь файла. Он летел напрямиком на сервер Condé Nast, а приём заявок закрывался в полночь.

У Элизабет оставался всего час, чтобы пропихнуть проект в окно дедлайна. Я оценил скорость соединения и понял: даже с моими помехами она успеет. Моя мелкая диверсия должна была только пощекотать ей нервы.

Мне стало любопытно, что будет, если её выверенный сце-

нарий на минуту даст трещину. Райт так отчаянно старается соответствовать ожиданиям, что порой забывает дышать. Она кажется скриптом, написанным собственной матерью, и меня всегда задевало её нежелание хоть что-то в нём изменить. Это был мой тест на гибкость отличницы.

Когда в коридоре редакции раздались быстрые шаги, я не стал оборачиваться. Эту манеру ходить, будто она опаздывает на собственную коронацию, невозможно перепутать ни с чем. Мои догадки подтвердились. Элизабет вышла из себя мгновенно. Её возмущенный возглас и упрямая командная интонация разом стерли последние четыре года. Этот эмоциональный сбой выглядел куда интереснее, чем отрепетированные манеры. Но вместе с яростью Райт я снова ощутил этот приторный шлейф Уэйбриджа. Она была неизбежным напоминанием о том, что от родительских ожиданий не спрятаться даже за стенами моей новой жизни.

В кофейне мне удалось разглядеть Райт внимательнее. В помятой рубашке, сонная и колючая, она почти растеряла свою пригородную оболочку. Из-под растрепанной челки на меня смотрели совсем не те «оленьи глаза», которыми так восхищались мамы. В них не осталось и капли смирения. Именно так она выглядит, когда не притворяется?

Родители уже начали забывать, как я выгляжу, поэтому

на выходные я наконец выбрался домой. Поездка в графство Суррей всегда означает контрастную смену бетонных джунглей на зеленый рай Англии. Уэйбридж находится в часе езды от центра Лондона, и по пути туда я обычно сворачиваю в Ричмонд-парк. Медленно качусь мимо вековых дубов и ленивых оленей, чтобы сбросить столичное напряжение. Но на обратный путь неизменно выбираю скоростную трассу.

Стоило пересечь границу пригорода, как моя серая Хонда Туре R начала выбиваться из пейзажа. Эту модель я купил на первый годовой бонус в Gate Capital — банк щедро платит тем, кто находит дыры в броне раньше конкурентов. Я сразу перепрошил её под свой стиль вождения, выкрутив все настройки на максимум. Из-за резких линий и низкого рычания она выглядела здесь как черная овца, случайно попавшая на идеальное поле для гольфа. Отец кривил губы, называя её странной игрушкой. Местные признавали только два типа машин: либо кричаще дорогой суперкар, подтверждающий твое место в мире, либо достойный семейный автомобиль.

Весь город напоминал каталог недвижимости, где с каждой страницы на тебя смотрит образец безупречной кредитной истории. Это мир добротного среднего класса. Здесь живут успешные юристы, вышедшие на пенсию банкиры и владельцы локальных компаний — люди, одержимые комфортом и предсказуемостью. Их быт строится на ритуалах вроде утренней газеты у порога или семейных поездок в супер-

маркет по субботам. В таких кварталах любое новое лицо или шумный мотор замечают мгновенно, потому что годами ничего не меняется. Я спиной чувствовал это ленивое любопытство за занавесками, пока искал ключи от родительского дома.

Наш высокий особняк из темного красного кирпича перешел отцу от деда. Он следит за бытом так же серьезно, как за финансами. Сам за инструменты не берется, но если на фасаде появится хоть одна трещина, бригада ремонтников будет на пороге моментально. Мама в этом отношении — его идеальный партнер. Она превратила каждый угол в зону абсолютного уюта. В этой привычной предсказуемости есть огромный плюс: после Лондона здесь ощущаешь себя в полной безопасности. Тут всегда тепло и пахнет домашней едой. Правда, загородной тишины мне хватает ровно на день. Ритм большого города и фоновый шум улиц всё же ближе, поэтому в Уэйбридже я редкий гость. Родители по-своему гордятся моей работой в банке. Мою зарплату они находят вполне убедительной, а то, чем именно я занимаюсь, кажется им слишком сложным для объяснения соседям. Особенно маме. Ей достаточно знать, что я при деле и на хорошем счету у руководства.

На этих выходных от меня не ждали душевных разговоров, и все спокойно занимались своими делами. Мы изредка пересекались на кухне и обменивались короткими новостями. Здесь всем хватало места, чтобы каждый находился в

своём пространстве и не чувствовал себя лишним. По утрам я уезжал в лес на велосипеде, а большую часть дня проводил в своей детской спальне за ноутбуком.

Пиксель был единственным, кто нарушал моё уединение. Наш английский сеттер заходил в комнату и молча клал морду мне на колени, пока я не соглашался на прогулку. Мы уходили с ним к реке, подальше от любопытных соседей. Белый пес в черно-серую крапинку носился по шуршащей листве, а я дышал свежим воздухом, позволяя себе редкую роскошь ни о чем не думать всерьез.

В воскресенье я уже собирал рюкзак, когда мама появилась в дверях. Пиксель тут же поднял голову и преданно забил хвостом по ковру.

— Дорогой, ты правда уже уезжаешь? — Мама тревожно оглядела комнату. — Кажется, мы тебя почти не видели. Вчера до темноты ты пропал на велосипеде, а потом спрятался за экраном. Ты хоть немного отдохнул?

— Всё в порядке, мам. Перезагрузился. — Я закинул в рюкзак последнюю зарядку. — Пора ехать, завтра сложный день.

— Папа вчера ворчал, что ты перенастроил все камеры на заднем дворе. Притворился, что недоволен такой слежкой, хотя сам не выпускал планшет из рук и радовался, что система наблюдения наконец-то работает без сбоев.

— Я просто навел там порядок. Теперь она не будет постоянно зависать.

Мама печально улыбнулась, рассматривая меня так, будто пыталась сосчитать, сколько часов сна я пропустил за эту неделю. На её лице читалось то беспокойство, которое всегда заставляло меня чувствовать себя ребенком.

— Посмотри на себя, Джо. Ты так исхудал, одни скулы остались. В твоём лофте хоть иногда появляется нормальная еда или ты живешь на одном кофе перед монитором?

— Мам, я не голодаю, не преувеличивай. В банке отличные ланчи, да и с ребятами из университета мы часто выбираемся куда-нибудь после работы.

— Друзья — это замечательно, дорогой, но я не об этом. — Она мягко покачала головой. — Тебе не кажется, что твой лофт слишком пустой для одного? Пора бы задуматься о чем-то более серьезном.

Я на мгновение замер и коротко глянул на часы.

— Сейчас не лучшее время для этого. Карьера, учеба, сложные проекты. Мне вполне комфортно в таком ритме.

— Вот именно об этом я и говорю! — Она всплеснула руками. — Никакой личной жизни, одни цифры. Элли и то находит время на свидания. Пусть её выбор парня и шокировал Кэтрин этими дырками на джинсах, но сам факт, Джо! Девочка хотя бы встречается с кем-то, она открыта для отношений. Пусть и ошибается, но она в движении. А ты?

Мне сразу захотелось оказаться в машине на трассе. Опять сравнение с Райт, даже когда она якобы косячит.

— В Лондоне достаточно девушек, которых устраивает та-

кой график и отсутствие перспектив на совместное будущее. А за Элизабет я очень рад. Надеюсь, она уже предоставила Кэтрин справку о доходах и полную биографию парня. Моя личная жизнь, к счастью, пока не транслируется в прямом эфире для домохозяек.

— Перестань паясничать, дорогой. — Она мягко улыбнулась, и эта улыбка светилась неоновым указателем: мы зашли на минное поле в разговоре. — Мы просто хотим, чтобы ты нашел порядочную девушку. Из хорошей семьи и с понятными ценностями. Кого-то, кто знает наш круг. Ты ведь понимаешь, что лондонские интрижки временны? Отец уже намекал, что на рождественском ужине в загородном клубе будут застройщики из Беркшира. У них очаровательная дочь.

— Мам, я пас. Не собираюсь встречаться с очаровательными дочерьми по списку, который вы с отцом утвердили на семейном совете.

— Пойми, Джонатан, — мама сложила руки на груди, и в её голосе прорезались стальные нотки. — Твои бонусы в банке впечатляют, и мы с отцом счастливы, что ты крепко стоишь на ногах. Но пора перестать прятаться за монитором и подумать о том, кто будет рядом с тобой через пять или десять лет. Карьера не заменит тебе семью. Нам бы хотелось видеть, что ты не только копишь цифры, но и строишь нормальную и наполненную жизнь. Ту, которую можно разделить с кем-то достойным.

Она выразительно замолчала, и я кожей почувствовал

подтекст, который мама старательно вкладывала в каждое слово.

— Сейчас у меня нет времени на отношения. Брак по расписанию и списки кандидаток подходят для вашего сценария, а не для моего.

— Посмотри на Элизабет. Она тоже строит карьеру, но находит время оставаться чуткой к родителям и традициям. Это не слабость, дорогой. Это то, что делает нас людьми.

Мама разгладила невидимую складку на моем плече и нежно прижала к нему ладонь.

— Поезжай, а то застрянешь в пробке. Пожалуйста, обдумай мои слова.

Я накрыл её ладонь своей — наш привычный немой компромисс: я услышал, но обещать ничего не стану.

— Мам, спасибо за заботу. Всё будет в порядке. И, пожалуйста, хватит впихивать Элизабет в каждое предложение. От её имени у меня уже зуд по всему телу.

Она вздохнула, понимая, что я снова закрываюсь.

— Ты не исправим, Джонатан. Постарайся не смотреть на людей как на механизмы.

Я чмокнул её в щеку, уловив родной запах дорогих духов и дома. Коротко попрощался со всеми и вышел во двор к своей машине. Пока я складывал в багажник вещи, Пиксель весело носился у ног, звонко лая и надеясь, что его тоже возьмут в поездку. В этот момент к нашей дорожке медленно подкатил внедорожник Райтов. Прибыли на очередной вос-

кресный чай. Родители уже стояли на пороге, приветственно махая гостям. Машина остановилась, и из неё почти одновременно вышли Кэтрин и Артур. Вся сцена напоминала кадр из фильма об идеальном пригороде. Кэтрин двинулась в мою сторону с энергией торнадо. Она сияла так, будто я был её потерянным сыном.

— Джо, дорогой! Наконец-то! Я так рада тебя видеть. — Кэтрин расплылась в улыбке и мягко обняла меня. — И какая удача, что ты едешь в город именно сейчас! Я замер с ключами в руках. Бежать было некуда.

— Наша Элли совсем зашилась в редакции и уже вечность не была дома. Сейчас такая коварная погода, а она постоянно забывает следить за здоровьем. Будь другом, передай ей это. Обычно мы полагаемся на Royal Mail, но ты же слышал про эту ужасную забастовку? Посылки теряются неделями. Мы так надеемся, что скоро все наладится.

О да, на это надеялся и я. Роль личного курьера для золотой девочки не входила даже в первую тысячу моих дел. Одного взгляда на моего отца хватило, чтобы худшие опасения подтвердились — отказ не принимается.

— Тебе не придется её искать, — продолжала тараторить Кэтрин, всовывая мне в руки пухлый пакет, доверху набитый заботой. — Я уже всё продумала. Завтра в обеденный перерыв Элизабет сама заскочит к тебе в офис. Ей полезно немного проветриться. Пожалуйста, передай ей лично в руки.

Заглянув внутрь, я наткнулся на стопку контейнеров с домашней едой, а сверху лежало что-то такое яркое и мохнатое, что я не сразу понял, на что вообще смотрю. Это оказались желтые шерстяные гольфы с помпонами. Я едва не подавился смешком, вовремя замаскировав его сухим кашлем. Райт всегда была мастером производить впечатление. Мгновенно перед глазами всплыл образ Элизабет в её безупречном пиджаке и этом пушистом кошмаре. Стратегия по непересечению наших вселенных в очередной раз отправилась в мусорное ведро.

— Обязательно передам, миссис Райт. — Я изобразил самое приличное и благонадежное лицо, на которое был способен. — Доставлю в целости и сохранности.

Элизабет Райт, будущий великий редактор, теперь была вынуждена явиться ко мне за пакетом с едой и нелепыми носками. Весь путь до города я представлял, как она будет пытаться сохранить гордый вид, пока я провожу презентацию её домашнего уюта. Это был идеальный план для идеального понедельника.

Глава 4. Посыльный из ада

Элизабет

— Эл, это же винтажный выпуск The Face с Кейт Мосс! Где ты его откопала? На Портобелло за него просят целое состояние.

Поппи, густо намазанная розовой глиняной маской, при- свистнула. Даже в растянутой домашней футболке и с гнездом из темных волос она выглядела как модель на бэкстей- дже.

— В пыльной коробке в самом конце антикварной лавки, — я бережно положила трофей на край стола общей кухни, подальше от чужих кружек. — Владелец, кажется, сам не по- нял, что это сокровище.

Поиск этого журнала стал единственным полезным делом за всё воскресенье. После бурной ночи в Сохо сил на что- то серьезное не осталось. Это был наш первый с Поппи от- рыв в учебном году и долгожданная передышка от жесткого графика. Мы начали в пабе The Ship — там под потертым красным бархатом до сих пор вибрирует рок-н-ролл, а стены помнят, как в них заходили Боуи и Хендрикс. Внутри было

не продохнуть. Студенты, рекламщики и музыканты смешались в один гудящий организм. Толпа постоянно задевала нас плечами, кто-то извинялся, кто-то тут же втягивал в случайные теории о новом альбоме Oasis. Было тесно, громко и по-настоящему весело. Мы продолжали наш марафон, плавно передвигаясь из одного заведения в другое. В этой суматохе никто уже не помнил, кто с кем пришел. Можно было зацепиться языками у входа в бар в одной компании и через пять минут уже всю спорить о политике или моде в абсолютно новом кругу. Поппи, как всегда, умудрилась перезнакомиться с половиной Лондона и найти очередного парня месяца. Домой мы вернулись только под утро. Эта ночь выполнила мою недельную норму по общению, так что сегодня прогулка в одиночестве была жизненно необходима.

Отоспавшись, я провела остаток дня в районе Ноттинг-Хилл, выискивая раритеты в антикварных лавках. Моя слабость — это старые номера Vogue и The Face. В том, как неидеально и дерзко раньше делали верстку, чувствуется живой след человеческих рук. На этих страницах до сих пор живет дух эпохи. Если Vogue всегда оставался парадным входом в мир высокой моды, то The Face служил черным ходом ночного клуба, где творилась настоящая история. Он пах сигаретным дымом, бунтом и предчувствием завтрашнего дня.

Мия, наша подруга с архитектурного, потянулась перепачканными пальцами к обложке, и я инстинктивно перехватила журнал. Она увлеченно жевала подгоревший тост, рас-

сыпая крошки прямо на какой-то скучный жилой комплекс, над которым работала.

— Эй, полегче! Это музейный экспонат, а не подставка под твой обед, — возмутилась я.

— Музейный экспонат? — Мия фыркнула, стряхивая крошки с подбородка. — Это просто бумага, Элли. Желтая, пахнувшая прошлым веком макулатура. Будущее за цифрой. Печатные издания вымрут раньше, чем я дострою этот макет.

— Никогда, — спорить с Мией бесполезно, но я не сдавалась. — В этих страницах живая энергия тех лет. В них есть душа, потому что их собирали люди, а не бездушные машины.

— Живая энергия? — Мия откинулась на спинку стула и скептически приподняла бровь. — Ты неисправимый романтик. Завтра этот журнал превратится в труху, а мои чертежи станут бетоном, с которым ничего не случится даже через сто лет.

Мия снова уткнулась в макет, вычерчивая идеальный угол. Она и парней выбирала так, будто проверяла несущие стены на прочность. Ей не нужны были искры, ей нужна была сейсмоустойчивость.

— Девочки, вы обе зануды, — Поппи наконец отложила телефон и победно посмотрела на нас. — Какая разница, что умрет первым, если сегодня вечером открывается новый бар с диджеем из Берлина? И кстати, мой новый знакомый, ка-

жется, его зовут Том или Томас, обещал нам проходку.

— Что за новый Том? — я скептически прищурилась. — А тот высокий блондин из субботы уже в прошлом?

— Блондин? — Поппи на секунду задумалась, разглядывая свой маникюр. — А, Стивен. Он был слишком заиклен на экологии. Невыносимо слушать про пластик, когда ты хочешь танцевать. Моя сестра Дэйзи и то веселее. Она хотя бы из своих сорняков умеет варить какой-то убойный ликер и не читает лекции о спасении планеты. А Том другой. Мы сегодня пообщались в кофейне, он занимается стартапами. В общем, он веселый, схожу с ним на свидание на неделе.

— Ты хотя бы фамилию его узнала? — Мия, не отвлекаясь от работы, вывела безупречно ровную линию. — А то через неделю мы снова будем слушать детектив про парня с татуировкой на шее, и как ты не можешь найти его в соцсетях, потому что из данных у тебя только имя и цвет кепки.

— Фамилии — это так официально! — Поппи отмахнулась и подмигнула мне. — Зачем забивать память, если можно просто наслаждаться моментом?

Я улыбнулась. Поппи училась на курс младше и жила короткими заголовками и яркими картинками, напрочь игнорируя скучные сноски и примечания мелким шрифтом. Пока я часами сидела над источниками для репортажа, она делала селфи с нужным человеком и получала всю информацию за пять минут. В этом была её суперсила — она жила налегке и не верила в существование закрытых дверей. Поппи влетала

в любую комнату с такой уверенностью, что мир сам падал к её ногам.

В бар никто не поехал. Мы заговорились до глубокой ночи, перескакивая с обсуждения учебы на свежие сплетни. У меня было на редкость легкое настроение. Именно в такие моменты я чувствовала, что Лондон наконец-то отвечает мне взаимностью.

Иронично, но этот огромный город стал родным именно здесь, в бесконечном шуме коридоров нашего общежития. Мне нравилась эта жизнь, хоть она и далека от эстетики. Я ни за что не променяла бы свою тесную комнату на стерильную тишину съемной квартиры. Мне важно находиться в центре событий: просыпаться под гул автобусов и ощущать этот бешеный ритм студенчества, выкрученный на максимум. В лабиринтах общих кухонь и вечно занятых прачечных концентрация амбиций и хаоса мотивировала меня еще сильнее.

Ещё я ценила возможность в любой момент сорваться на ночной показ или встретить рассвет на мосту Ватерлоо. Быть частью этого муравейника, где за соседней дверью Поппи до утра слушает винил, а в коридоре спорят о постмодернизме, значило по-настоящему дышать этим городом, а не наблюдать за ним из окна. В Лондоне не нужно ежеминутно доказывать родителям свою полезность или быть безупречной дочерью, чье увлечение журналами — лишь временное хобби. Здесь этот груз ожиданий давил не так сильно. Уэйбридж с его контролем и предсказуемыми ужинами казался теперь

другой планетой. Я заснула с приятным чувством, что всё наконец-то идет по моему сценарию.

Понедельник, 27 октября

Я помечала тезисы лекции, пока телефон в сумке не завибрировал максимально не вовремя. На экране высветилось «Мама». Она знала мой график и никогда не звонила в учебное время. Вибрация не прекращалась. Проклиная всё на свете, я пригнулась так низко, что едва не ударилась лбом о край стола.

— Элли, дорогая, прости, что отвлекаю! — Мама пицчала так радостно, будто мы сидели дома в нашей гостиной. — Совсем забыла сказать! Мы вчера были в гостях у Кинкейдов, и Джо любезно согласился завезти твой пакет. Я собрала тебе домашних вещей и вкусной еды. Заскочи к нему в офис в обед, он будет ждать. Адрес в мессенджере.

Кровь мгновенно отхлынула от лица.

— Мама, ты шутишь? — прошипела я в трубку, стараясь не привлекать внимания профессора. — Ты отправляешь меня к Кинкейду за едой? Это за гранью.

— Не глупи, Элли. Почта бастует, а Джо всё равно ехал в город. Это всего лишь пакет, не делай из этого драму. Всё, целую!

Мама отключилась. В моем графике на сегодня не было

свободного места для унижений. Вместо ланча с Поппи и разбора текстов в редакции я и не думала ехать в пафосный банк. Но проигнорировать этот ультиматум означало нарваться на скандал. Сопrotивляться было бесполезно. Я уже представила эту сцену: стерильный офис, охрана с подозрением в глазах и ядовитая ухмылка Кинкейда. Теперь я сама нарушаю наше великое молчание ради стыдного пакета с едой. Внутри горела злая досада от полного отсутствия выбора.

Я вышла из аудитории. Каблуки агрессивно застучали по каменному полу. Пальцы на автомате открыли чат.

Эл: Ланч отменяется, встретимся на летучке

Поппи: Эй, я уже заказала боулы! что стряслось?

Эл: Еду в банк к Кинкейду

Поппи: ОМГ! семестр будет легендарным!

Поппи: Прощаю, съешь его на обед!

Поппи: Твой вайб сегодня — «пришла вас уволить»
10/10

Поппи: Жду подробностей!!!

Отвечу потом. Сегодня утром я действительно не пожалела времени на сборы. Ухоженный вид бодрил и задавал отличный тон на всю неделю. Я стянула резинку и быстро прочесала волосы пальцами, убирая заломы. Отлично. Сегодня он хотя бы не увидит мою помятую версию.

Тот утренний эпизод с растрепанным пучком и сонным лицом нужно было перекрыть. Аннулировать. Опрятность

возвращала мне чувство контроля. Сейчас я выглядела как человек, который идет по делам и мимоходом забирает свою вещь. Пакет? Это случайная деталь, не имеющая ко мне почти никакого отношения. Я внушала себе это с каждым шагом, стараясь не думать о том, что Кинкейд наверняка считает минуты до моего появления и уже приготовил порцию едких фраз. Одна часть меня ныла от унижительного осознания: я добровольно иду туда, где его это достигает предельной концентрации. В этих стенах он хозяин положения, а я автоматически в слабой позиции. Но вторая, куда более злая и упрямая, жаждала доказать, что меня это не трогает. Я пройду мимо его стола с таким видом, будто он — незначительная помеха в моем расписании, и выключу все эмоции, пока не заберу этот нелепый пакет.

Глава 5. Демонстрация уюта

Джонатан

— Кинкейд, отвлекись, сейчас есть дело поважнее, — голос босса прозвучал над моим ухом слишком бодро.

Я нехотя поднял глаза. Итан Гринвич выглядел так, будто сразу проснулся в идеально сидящем костюме и с годовым отчетом в руках. Его белоснежная улыбка — лучшая реклама успеха.

— Надеюсь, важным делом ты не называешь очередной тренинг по тимбилдингу? — сухо уточнил я.

Итан по-хозяйски навис над моим столом, и меня тут же накрыло волной его дорогого парфюма — резкого, как слезоточивый газ. Он точно не привык экономить на духах, заставляя весь отдел дышать своим присутствием.

— Гораздо масштабнее, Джо. В середине ноября Gate Capital спонсирует благотворительный аукцион «Инновации и наследие» в Королевском колледже. Нам нужно, чтобы технический отдел представлял кто-то с мозгами. Отправлять туда маркетологов бессмысленно — они не отличат шифровальный аппарат от тостера, если на нем не будет логотипа

Apple.

— И ты опять выбрал меня? — Я нахмурился. — Итан, я технарь. Оставь рассуждения о преемственности поколений гуманитариям, у них для этого есть специальные дипломы.

— Зато ты единственный, кто внятно объяснит спонсорам, почему эти железки стоят сумасшедших денег. Нам нужен эксперт, который знает реальную техническую ценность. Среди лотов будут цифровые архивы и пара вычислительных машин, которые банк выкупил для фонда. Это не обсуждается, Кинкейд. Надень костюм и постарайся не взломать их систему безопасности прямо во время фуршета.

Он сам посмеялся над своей шуткой, хлопнул меня по плечу и направился к выходу. Уже в дверях Гринвич обернулся:

— И да. Ты же помнишь, что мы сейчас усердно занимаемся твоими навыками общения. Это критически важно для продвижения. Постарайся, чтобы к аукциону твоя речь состояла не только из сарказма и технических терминов. Кстати, на неделе встретимся на форуме в твоем колледже. Хочу тебя послушать.

Итан явно переоценивал моё терпение и недооценивал глубину моей неприязни к светской болтовне. Я не видел смысла тратить силы на обмен любезностями с людьми, которые мне безразличны. Вся эта фальшь с бокалом шампанского и притворным интересом к чужим успехам всегда казалась мне утомительной. Я не умел лицемерить и не хотел

этому учиться.

Но Гринвич бил точно в цель. Если я хочу реального веса в этом банке, придется иногда играть по их правилам. Надеваешь костюм и пару часов работаешь через силу. Не самая приятная задача, но выполнимая.

Обед в Gate Capital всегда похож на скучный процесс заправки. Здесь нет места долгим разговорам или медленному кофе. Все просто поглощали свои порции белков и углеводов, не отрываясь от рабочих чатов. Я сидел в самой глубине зала, игнорировал звон посуды и время от времени поглядывал на часы. Рядом со мной Оливер, наш инженер по искусственному интеллекту, увлеченно вертел в руках какой-то новый гаджет и с нескрываемым интересом изучал крафт-пакет, стоявший прямо между нашими тарелками.

— Слушай, Джо, если в этом бумажном мешке не секретные разработки, то я требую объяснений, — он ткнул пальцем в пакет и расплылся в широкой улыбке. Из-за нее Оливера часто принимали за сумасшедшего, но за его мозги руководство готово было терпеть что угодно. Ему прощали всё: от футболок с мемами до привычки раскачиваться на стуле посреди совещаний. Его энергии всегда было тесно в рамках.

— И что за таинственная Элизабет Райт, которой ты одобрил гостевой пропуск через службу безопасности?

— Передача из Уэйбриджа для знакомой, — я вонзил вилку в салат, стараясь не придавать ситуации значения. — Наши родители вчера пили чай, а мне всучили это в дорогу.

Оливер отбросил гаджет и резко подался вперед, опираясь локтями о стол. Мы с Олли работаем в связке. Если я пишу алгоритмы защиты, то он собирает под них тело из серверов и чипов. Вместе мы заставляем этот софт обгонять рынок на доли секунды. Сейчас он замер в предвкушении, не скрывая любопытства.

— То есть ты теперь доставляешь посылки? Кинкейд, это исторический момент! Но серьезно, кто эта Райт? Судя по реакции, она либо твоя бывшая, либо знает, где спрятаны твои флешки.

— Она — воплощение британских традиций и ходячая инструкция по этикету, — сухо отозвался я. — О её успехах я слышу чаще, чем приходят задачи от банка.

— Ты одобрил пропуск десять минут назад, — Оливер забарабанил пальцами по столу, его так и подбрасывало на месте. — Охрана внизу наверняка досматривает её до костей. Здесь и муха не пролетит без сканирования сетчатки. Бедная девочка.

— Ей полезно вылезти из библиотеки, — бросил я, чувствуя, как внутри разгорается предвкушение. — Скоро убедишься сам. Она трижды извинится перед тобой за беспокойство, заберет пакет и исчезнет, не нарушив ни одного правила приличия.

Я сидел боком ко входу и бездумно листал ленту на планшете, пока Оливер продолжал болтать. Моё внимание привлек не звук прибывшего лифта, который в обед звенел без остановки, а то, как друг внезапно замолчал на полуслове. Он медленно опустил вилку, так и не донеся её до рта. Его спина вытянулась, а на лице застыло абсолютно неуместное выражение щенячьего восторга. Олли намертво зафиксировался на ком-то впереди.

Я повернул голову, ещё не понимая, что именно выбило его из колеи.

Это была Райт. Но определенно её обновленная версия. Пальто с широкими плечами, собранный вид и яркие губы, которые сразу бросались в глаза. Никакой растерянности или озираний по сторонам. Туфли стучали по мрамору в звонком, агрессивном ритме. Она сокращала дистанцию слишком стремительно, и я одним движением смахнул пакет на пол. Не хватало ещё, чтобы она вырвала его и сбежала раньше времени.

— Кинкейд — Оливер наконец обрел дар речи, расплываясь в блаженной ухмылке. — Если это твоя инструкция по этикету, я готов изучить её от корки до корки. Прямо сейчас.

Не отвечая, я наблюдал за её приближением и пытался узнать в ней ту отличницу из прошлого. Эта Элизабет явно не собиралась извиняться. Она шла ровно на меня под прицелом десятков глаз. В особенности Оливера, который застыл с открытым ртом. Когда она подошла прямо перед на-

шим столом, я не дождался приветствия.

— Пакет, Джонатан, — её голос был сухим и резким. — У меня нет времени.

— Райт, — я медленно отложил планшет, стараясь потянуть время. — Я уж думал, ты предпочтешь объявить голодовку, чем признать, что твоя мама всё ещё считает тебя пятилетней.

— Кинкейд. Пакет.

— Не так быстро, — внутри проснулось старое, злое веселье. — Твоя мать просила передать всё лично в руки. А тут, знаешь ли, ценный груз.

Кэтрин Райт превзошла себя: она превратила гиперопеку в интерактивный квест, обклеив каждый контейнер ядовито-розовыми стикерами.

Наслаждаясь моментом, я не спеша поднялся и поставил посылку на стол, игнорируя убийственный прищур Элизабет. Оливер замер между нами как судья на ринге, переводя взгляд то на меня, то на неё.

— Итак, что тут у нас. Запеканка, — я выудил первый контейнер с неоновой бумажкой и зачитал вслух: — «С брокколи. Как ты любишь! Разогреть ровно три минуты, иначе будет сухой. Элли, ешь теплое, это полезно для кишечника». Кажется, она всё еще не уверена, что ты справляешься с микроволновкой без присмотра.

Коллеги за соседним столом притихли. Лицо Элизабет оставалось каменным, но я заметил, как на её шее предатель-

ски запульсировала жилка. Попалась.

— А вот это — мой фаворит, — я достал огромные желтые гольфы с помпонами. — Слушай: «Элли, не забывай держать лодыжки в тепле, они у тебя такие хрупкие, нужно беречь суставы. Ветер в Лондоне беспощадный, надевай под сапожки».

Оливер чуть не подавился обедом, пряча смех в кулак. Райт молчала, но пальцы сжимали ремешок сумки до белых костяшек. На азарте я вытащил последний трофей — банку с мутной субстанцией.

— И на десерт: «Домашняя маска против высыпаний от тети Нэлли. В городе грязный воздух, а от стресса твои поры не выдерживают. Обязательно раз в неделю, чтобы моя девочка сияла».

Я посмотрел на неё, ожидая увидеть красные пятна стыда, но встретил стену абсолютного холода. Она не взорвалась. Молча обогнула стол и так внезапно сократила дистанцию, что я уловил её цветочный запах.

— Ну что, Райт? — я протянул ей пакет, ощущая, как внутри плещется победный восторг. — Заберешь свои сокровища или чем-то поделишься?

Она не просто забрала вещи. Одним молниеносным движением вырвала пакет из моих рук, но не отступила. Наоборот — шагнула вплотную, окончательно нарушая границы моего личного пространства.

Я не привык так близко чувствовать её присутствие. В эту

секунду Райт была настолько сосредоточена на моей физиономии, что, кажется, могла прожечь во мне дыру этим немигающим взглядом.

— Спасибо за курьерские услуги, Кинкейд. Чаевых не будет, — она заговорила опасно и тихо. — Вижу, работа в банке не отняла твоего главного таланта — копаться в чужом белье с амбициями эксперта.

Она развернулась и зашагала к выходу, оставляя после себя онемевшего Оливера. Тот смотрел ей вслед до самых лифтов и только потом рискнул подать голос.

— Джо, я никогда не видел тебя таким придурком, — наконец выдохнул друг. — Я буквально вспотел, пока за этим наблюдал. И я уже говорил, что она шикарная? Оглядывайся в переулках, она тебя точно прикончит.

Я молчал, чувствуя странный привкус победы, которая больше смахивала на ничью. На столе остался лежать яркий стикер — случайная жертва суматохи. На нем размашистым почерком было написано: «Чтобы моя девочка сияла».

В Уэйбридже моё желание уколоть умницу Райт всегда наткалось на невидимые стены приличий. Наши стычки напоминали безопасную игру под присмотром взрослых — своего рода шумный фон для их бесконечных чаепитий. Мы обменивались колкостями не в полную силу, понимая, что за нами наблюдают. Даже в самом дальнем конце сада чувствовался пристальный контроль. Это была всего лишь демо-версия вражды, лишённая настоящих рисков.

Но здесь, в Лондоне, всё стало внезапно реальным. Без вечного надзора перепалки потеряли детскую невинность, в них появилось что-то острое. Глядя на этот розовый клочок бумаги, я понял, что маленькая Элли навсегда осталась в Суррее. Эта новая Райт выучила взрослые правила игры быстрее, чем я ожидал. И, судя по её последней реплике, пощады для меня не предусмотрено. Оливер прав, мне действительно стоит быть начеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.